

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В. В. Овсянников

Сокращения

- ЕП – единицы перевода
- ИТ – исходный текст
- ИЯ – исходный язык
- ПТ – переводной текст
- ПЯ – переводной язык

Они изменяются, как и всё в этом мире. Но есть некая совокупность «правил», по которым следует играть любому человеку, причастному к великому искусству. Эти «правила» игры лучше всего известны университетскому переводоведению, отличие которого от специального переводоведения состоит в неразрывной связи обучения переводу с обучением иностранному языку. Другими словами, **дидактический** момент есть дисциплинирующим не только в смысле тонкостей обучения, но и в смысле осознания самой теории. Известны разные интерпретации правил, но в целом, теория и практика переводоведения, сложившаяся на инязах, представляет собой достаточно ясно очерченную систему постулатов, которые, впрочем, нигде не обозначены чётким перечнем. Есть и другая причина, по которой обозначенную в заглавии проблему следует считать актуальной. Дело в том, что в наше время демократических реформ в университетской аудитории появляются весьма необычные книги и пособия. Разнообразие всегда шло науке на пользу. Но есть и отрицательная сторона этого явления: читательские ожидания очень часто оказываются несбывшимися. Одних дисциплин это касается в большей степени, других – в меньшей. В грамматике, скажем, механизм вероятностного прогнозирования (очень важное условие успешного освоения материала) действует более эффективно, чем в переводоведении. Например, едва ли можно представить себе ситуацию, когда вы открываете учебник английской грамматики и не обнаруживаете в нём видо-временной системы. В переводоведении, напротив, нормой является то, что качественный по многим критериям учебник может проигнорировать важнейший раздел науки о переводе (например, классификацию трансформаций). Другими словами, университетское переводоведение уже сформировалось и характеризуется большим разнообразием как теоретических, так и методических принципов, но проблема базового мини-курса (своего рода «таблицы умножения») остаётся весьма актуальной. На наш взгляд, в таком мини-курсе целесообразно рассмотреть следующие проблемы.

1) **Качество перевода.** Любой перевод предполагает использование оценочных категорий «хороший – плохой». Существует много переводов, к которым данная дихотомия не подходит. Об этом говорят авторитеты: «... другой грамотный перевод будет «не более лучше и не менее хуже» (юмористическое пародирование неграмотной речи хорошо освежает достаточно банальную идею – [1, 31]. «... не стоит говорить о большей адекватности какого-либо перевода, поскольку это не доказуемо» [1, 241]. Особенно данное положение относится к переводу поэзии: кто лучше, например, перевёл знаменитого «Томту» Кипплинга – Маршак или Грингольд? Оба перевода – шедевр и факт русской литературы [2]. Доказать, что один из вариантов ПТ ближе к ИТ – задача вполне выполнимая. Доказать то же самое в терминах «лучше – хуже» неизмеримо сложнее. Оценочные категории «хороший – плохой» приобретают особую роль там, где есть дидактика: в университетском переводоведении. Категорию «хороший – плохой» легко предписывать тем построениям, в которых есть языковая ошибка. Если таких ошибок нет, основания для вынесения суждения «хороший – плохой» могут оказаться очень зыбкими: приходится полагаться на опыт, интуицию, литературный вкус и – чего греха таить? – на авторитет и статус преподавателя. И всё-таки даже спорное суждение по линии «хороший – плохой» высказать лучше (хотя бы в целях организации дискуссии), чем не обозначить своей позиции вообще. Важнейший вывод из сказанного состоит в том, что предъявляемый студентам для оценки перевод «должен быть в меру плохим, то есть содержать и обоснованные, и необоснованные решения» [3, 264].

2) **Единицы перевода.** «... в зависимости от теоретического подхода к тому, что является единицей перевода, переводящий будет добиваться разных результатов» [4, 55]. Есть ЕП – есть переводоведение. Если их нет, то остаётся только впечатление, которому научить нельзя. Говоря о **ЕП**, одни имеют в виду единицы, выделяемые на основе уровня принципа (фонемы, морфемы, слова, словосочетания и предложения, соответственно), другие имеют в виду комбинацию языковых единиц, организованных неким уровнем смысла. История переводоведения сложилась таким образом, что, с одной стороны, все демонстрируют солидарность относительно требования к переводчику передавать **смысл** оригинала, а, с другой стороны, такая же солидарность обнаруживается в признании того факта, что переводоведение способно описывать продукт переводческого труда только с позиций **формы**. Прямого соответствия между непосредственно наблюдаемыми языковыми единицами и не поддающимися наблюдению единицами смысла (скрывающимися в «чёрном ящике») нет. Это противоречие настолько конституировалось в переводоведческих исследованиях, что приходится отнести его к вечным парадоксам переводоведения. Лаура Сальман видит выход в следующем: «Чтобы выйти из тупика, переводоведению следует обратиться в сторону нейронаук (brain sciences) и восстановить когда-то существовавшую, а сегодня почти прерванную связь с теориями философии и вычислительной науки [5,440]. Не исключено что Лаура Сальман правильно предвидит развитие теории, и переводоведение, действительно, ожидает прорыв в этом направлении. Но на данный момент наука не

располагает механизмом формального выделения **единиц смысла**, а это влечёт за собой обременительные, но неизбежные шаги по линии мотивации переводческих преобразований.

3) **Сетка переводческих проблем.** Совокупность единиц перевода Е. В. Бреус назвал «сеткой переводческих проблем» [6,17]. Умение распознавать в тексте эту сетку представляет собой главное профессиональное умение. Составление сетки является очень тонким делом, исключая использование алгоритма или алгоритмов. Поэтому результат работы над сеткой у разных переводчиков обнаруживает лишь частичное совпадение, что даёт основания постулировать существование так называемого инварианта сообщения. Построение сетки связано не только с выделением неких фрагментов текста [7, 284 – 290], но и с их контекстуальным осмыслением: «По существу, переводчик имеет дело не столько с самими отдельными словами, сколько с обусловленной исходным текстом системой зависимостей между словами... Наиболее сложные случаи в определении единицы перевода связаны с группой максимальных контекстуальных зависимостей, когда знаковая функция отдельной языковой единицы определяется за пределами предложения, а иногда и за пределами целого текста (8, 28, 31).

4) **Главная категория переводоведения - эквивалентность** («love it or leave it!»), если перефразировать клич американских патриотов) - имеет смысл только в контексте дихотомии «хороший – плохой»: переведённый текст может обнаруживать большее или меньшее сходство с оригиналом; при этом первое, как будто, должно всегда признаваться лучшим результатом, чем второе, хотя это положение является дискуссионным в переводоведении. Относительность этой судьбоносной для переводоведения категории проявляется не только в её градуальном характере [9] Если эквивалентности может быть **больше**, а может быть **меньше**, то возникает вопрос о теоретической ценности данной категории, которая в такой интерпретации наполняется принципиально иным содержанием: это примерно то же самое, что определять термин «гарантия» процентами. Другой причиной относительности является многократно отмеченное специалистами отсутствие жёсткой причинно-следственной связи между эквивалентностью и качеством перевода: **меньше эквивалентности** – не значит **качеством хуже** (и наоборот). Другими словами, формальная близость – не является критерием успешного перевода. Это является материалом лингвистического анализа – не более. Что же предлагается взамен? **Динамическая эквивалентность** Юджина Найды признаётся имплицитно или эксплицитно всеми школами перевода. Мне не известна теория или хотя бы скромная статья, которая бы бросала вызов идее Найды. Положение о том, что реакция рецептора текста перевода (ПТ) должна быть такой же, как у рецептора исходного текста, считается само собой разумеющимся. Иногда это комментируют, чаще – нет.

5) **Список дихотомий Т. Сэйвори.** В переводоведении широкой известностью пользуются так называемые дихотомии Т. Сэйвори, представляющие собой перечень противоположных требований к переводу и являющиеся детализированной схемой парадокса фон Гумбольдта: 1) перевод должен передавать слова оригинала; 2) перевод должен передавать мысли оригинала; 3) перевод должен читаться как оригинал; 4) перевод должен читаться как перевод; 5) перевод должен отражать стиль оригинала; 6) перевод должен отражать стиль переводчика; 7) перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу; 8) перевод должен читаться как произведение, современное переводчику; 9) перевод может допускать добавления и опущения; 10) перевод не должен допускать добавлений и опущений; 11) перевод стихов должен осуществляться в прозе; 12) перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме. Если поменять местами пункты 9 и 10, то окажется, что под нечётными номерами собраны принципы, исповедуемые приверженцами идеи верности оригиналу, а под чётными – принципы сторонников ориентации на стилистические нормы ПЯ. Ориентация на один из двух противоположных принципов является тем самым системообразующим фактором, до конца не осознанным, но исповедуемым переводоведением, который лежит в основе любого сопоставительного анализа.

6) **Парадокс В. фон Гумбольдта.** Ни один из учебников по переводу не обошёл знаменитое высказывание. Его всегда имеют в виду, даже если не воспроизводят: «Всякий перевод представляется мне безусловной попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника» [9,17]. Результатом осознания этого парадокса является сознательный выбор переводческой стратегии. Данный фактор в переводоведении принято называть «точкой зрения переводчика». Должна эта «точка» проявляться более или менее отчётливо – это вопрос вторичный: самое главное, что вопрос её существования не подвергается сомнению. Есть убеждённые противники присутствия личности переводчика в ПТ, которые считают: чем менее заметна фигура переводчика в ПТ, тем качественнее перевод. Для такого подхода характерно следующее афористическое высказывание: «Переводчик – лишь медиатор. И чем меньше у него «точек зрения» – тем лучше» [10,79].

7) **«Экономия мыслительных усилий».** Это – главный принцип адаптации, цель которой состоит в том, чтобы облегчить восприятие сообщения путём приближения ПТ к стилистическим нормам принимающей культуры. Этот принцип учитывался или, напротив, намеренно игнорировался, но факт его существования в форме выбора одной из двух переводческих стратегий подразумевался или признавался всегда. Яркой иллюстрацией такого признания служат слова Николаса фон Виле (XV в.): «...я эти переводы сделал самым точным слепком латинского подлинника и не обращал внимания на то, будут ли они доступны или недоступны обычному простолюдину» [11, 14]. Научное обоснование данного принципа связано с именем Герберта Спенсера [12]. Риторика, как наука об эффективной коммуникации, цитирует знаменитое высказывание Квинтилиана: «Non ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intellegere, curandum; not language that may be

understood, but language that cannot fail to be understood, is the writer's true aim», но за теоретическим обоснованием принципа обращается к Спенсеру (13, 19-27). Тенденция к «свержению оригинала с трона» обозначила себя в переводоведении, прежде всего, в плане традиционной ориентации риторики. Следующее рассуждение, обосновывающее приоритет переводческой ориентации на стилистические нормы ПЯ, опирается на классическую методологическую базу риторики: «В зависимости от того, достигнута или не достигнута запланированная субъектом речи цель, речевая коммуникация признаётся либо эффективной либо неэффективной» (11, 21). Руководствуется этим принципом переводчик изначально или нет, значения не имеет. Важно, что он знает: **предвидеть** реакцию рецептора **следует**: в этом состоит профессионализм. Этот принцип знают, ему следуют, но говорят о нём как-то вскользь и между прочим. Между тем, этому важнейшему компоненту профессионального багажа следует учить и объяснять *raison d'être*.

8) **Четыре типа сопоставлений.** 1) Текст оригинала сопоставляется с текстом перевода. 2) Сопоставляются несколько переводов одного того же оригинала. 3) Сопоставляются переводы с оригинальными текстами на языке переводов. 4) Сопоставляются тексты близкого содержания на ИЯ и ПЯ (14, 34-35). Как ясно из приведённого перечня, В. Н. Комиссаров говорит о сопоставлении текстов, что нуждается в некотором разъяснении. Сопоставление объектов происходит обычно на базе ограниченного числа признаков, которые считаются существенными для данных объектов. Скажем, двух человек можно сравнить по возрасту, полу, национальности, росту, цвету глаз, отношению к работе, характеру, одежде, походке и т. д. Принципом отбора признака является его актуальность для поставленной задачи. Например, по цвету глаз едва ли можно сделать вывод о физической силе или порядочности человека. Точно так же выбор случайного признака текста (характер шрифта, которым он напечатан, год издания, На практике **сопоставление текстов** является лишь заключительным этапом – синтезом – частных наблюдений, которые осуществляются на уровне элементарных единиц: слов, словосочетаний и предложений, вся совокупность которых образует не «текст», а **сетку переводческих проблем**. Данная сетка является лишь частью текста, причём очень малой частью, но в силу своего интерпретационного происхождения сетка рассматривается в качестве полномочного представителя всего текста. Выводы о качестве перевода всего текста строятся на основе конкретных наблюдений над преобразованием сетки транслет ИТ в сетку единиц перевода ПТ.

9) **Эксперимент** – естественная техника переводоведческих исследований. «... перевод не одноразовый акт, а некоторая последовательность шагов (проб и ошибок), завершающаяся нахождением оптимального варианта, в котором первым шагом является перевод-калька...» (11, 24). Не только процесс перевода, но и оценка полученного результата, и вся исследовательская работа в области переводоведения, и методика обучения переводу - всё это сфера переводческого эксперимента [15]. Переводческий эксперимент относится к наименее систематизированным категориям переводоведения, границы которых практически не очерчены. Так, в ходе составления сетки переводческих проблем авторы различных пособий не оговаривают присутствие в данной сетке закономерных соответствий. Таким образом возникает путаница между интерпретативными решениями, являющимися предметом переводоведения, и прескриптивными (не подлежащими дискуссии) Считается, что поле прескрипции в переводоведении ограничено двусторонними эквивалентами, отвечающими формуле $a = b$; $b = a$, а также частично – односторонними ($a = b$). Количество таких единиц ничтожно мало, а изучение их алгоритмизируется с помощью «книги кодов» (двуязычного словаря), и «свода правил дешифровки» (грамматики)[1,221].

10) **«Филологический круг»** Лео Шпитцера. Характер мыслительных операций, осуществляемых в процессе стилистического анализа текста, не подлежит, разумеется, непосредственному наблюдению, но шпитцеровская метафора точно передаёт необходимость многократного возвращения от частного языкового факта к его осмыслению на фоне других фактов. Термин «круг» встречается в переводоведении довольно часто и благодаря своему метафорическому характеру описывает мыслительные операции, выполняемые при составлении предпереводческой интерпретации, при определении сетки ЕП, при выборе переводческой стратегии, а также при осуществлении любой сопоставительной процедуры. Можно, например, встретить такое описание восприятия ПТ: «...The reader is led, even driven by it (translation – V. O.) to the basic text, and so the circle is closed in which the foreign and the indigenous, the known and the unknown move» [21, 420] Г. Э. Мирам использует близкую к приведённой метафору, отражающую парадокс фон Гумбольдта: «Вот так мы и переводим, лавируя между Сциллой неуклюжей дословности и Харибдой вольной интерпретации» [1, 219]. Применительно к университетскому переводоведению «круг» состоит, главным образом, в челночных движениях от буквального и семантического перевода к переводу коммуникативному (адаптированному к восприятию рецептора ПТ).

11) **Классификация трансформаций.** Проблема систематизации переводческих трансформаций была и будет предметом самой оживлённой дискуссии в мире переводоведения по очевидным причинам: друг друга можно понимать только на основе согласованного аппарата общения. Тем не менее, переводоведческие труды, в том числе и учебники, обнаруживают разительное отличие в толковании важнейших переводоведческих категорий.

Возьмём, к примеру, учебник, рекомендованный министерством просвещения и науки Украины. В этом учебнике «трансформации» и «приёмы» рассматриваются в разных разделах и тем самым, как будто, противопоставляются друг другу. Эта не совсем понятная систематизация никак не объясняется. Читателю следует додумывать приведённые схемы, что для жанра учебника является крайне нежелательным обстоятельством. При этом вопрос к читателю формулируется весьма недвусмысленно: "What types of transformations do you know?" [17,19]. Этот учебник выделяет следующие приёмы перевода: 1) partitioning; 2) integration; 3) transposition; 4) replacement; 5) addition; 6) omission; 7) antonymous translation.

Несомненно, указанные приёмы существуют, но как-то странно выглядит, что традиционные классификации не упоминаются, а в приведённом перечне отсутствуют транскрипция, транслитерация, калькирование, конкретизация, генерализация, модуляция и компенсация. К сожалению, следует отметить, что отпечаток пренебрежительного отношения к систематизации трансформаций лежит практически на значительных работах, появившихся в переводоведении за последнее десятилетие.

Приведённый перечень не претендует на истину в последней инстанции, но может, надеюсь, быть основой актуальной полемики.

SUMMARY

The article elaborates on the problem of theoretical aspects and the structure of the basic course of University translatology. The author aspires to show that the greatest challenge to the basic University course is a mind-boggling diversity of theoretical premises in which a student (even a diligent one) is as likely to get drowned as an inexperienced swimmer in the rough sea. The author gives his own interpretation of the "philological circle" and some other high-profile categories of translatology in the hope of triggering off a constructive discussion around them.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мирам Г. Э. Переводные картинки. Профессия: переводчик. – Киев: Ника-Центр, Эльга, 2001. – 336 с.
2. Овсянников В. В. Две версии «Томми Аткинса» и проблема адекватности перевода. – Мир языка // Материалы научно-методической конференции, посвящённой памяти профессора М. М. Копыленко. Алматы: КазГУМОиМЯ, 1999. – С. 519 – 522.
3. Алексеева И. А. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб: Союз, 2001. – 288 с.
4. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – М.: Международные отношения, 1976. – 192 с.
5. Сальман, Лаура. О перспективах развития переводоведения в рамках новейших научных направлений // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 608 стр.
6. Бреус, Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. – М.: УРАО, 1998. – 208с.
7. Красножон А. А. Членение монологической спонтанной речи в процессе перевода в аспекте психолингвистики // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 284 – 290.
8. Казакова Т. А. Практические основы перевода. –СПб: Союз, 2001. – 320с.
9. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
10. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.; ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.
11. Цит. по: Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учебное пособие для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 192 стр.
12. Spencer, Herbert. The Philosophy of Style. – Boston: Allyn and Bacon, 1892. – 72 p.
13. Genung, John F. The Practical Elements of Rhetoric. – Boston: Ginn and Company, 1902. – 488 p.
14. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2001. – 424с.
15. Овсянникова Е. В. Эксперимент в переводоведении // Вісник Сумського Державного Університету: Філологічні науки. – Суми: Видавництво СумДУ, 2003. – 183 – 187. – 253 с.
16. Rosengrant, Judson. Dimensions of Translation Theory // Университетское переводоведение. Вып. 3. Материалы III Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения» 26-28 октября 2001 г. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – С. 416 – 432.
17. Мірам Г. Е. та ін. Основи перекладу: Курс лекцій; Навчальний посібник. – Київ: Эльга, Ника-Центр, 2002. - 240 с. (на англ. мові).